
А.С. Щавлев

ЕЩЕ РАЗ О МИФОЭПИЧЕСКИХ УСТНЫХ
ИСТОЧНИКАХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ:
РАССКАЗЫ ОБ ОСНОВАТЕЛЯХ ДИНАСТИЙ У ГАЛЛА
АНОНИМА И СНОРРИ СТУРЛУСОНА

Статья посвящена проблеме отражения славянских легенд в тексте польской хроники Галла Анонима (начало XII в.), сопоставлению сюжета о приходе к власти династии Пястов с аналогичным по набору мотивов сюжету о приходе к власти норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого, отраженном в сагах из «Круга Земного» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.) и в «Книге с Плоского острова» (1387–1394). Очевидно, что в основе приведенных текстов лежит общий сюжетогенерирующий мотив «на пиру правителя исчезает еда, и он затем теряет власть и гибнет». Практически все основные дополнительные и детализирующие мотивы этого сюжета совпадают. В основе сюжета — противопоставление двух пиров, одного — против ожиданий гостей скудного, и второго — неожиданно «богатого», «настоящего». За обоими текстами отчетливо читается описание языческого обряда так называемого потлача — периодической обязательной «поставки продуктов и ценностей агонистического типа», требующей от действующего правителя превзойти в щедрости своего оппонента. Перед нами две реализации одного инвариантного сюжета. Возможны два предположения о времени формирования такого общего для скандинавской и славянской традиции сюжета. Не исключено, что это — «бродячий сюжет», характерный для периода интенсивных контактов славян и скандинавов в «циркум-балтийском» ареале в VII–XI вв. Или же речь может идти о более древнем времени, когда контакты германцев и славян зафиксированы языкознанием: либо о периоде языкового обмена между прагерманским и праславянским языками, либо о следующем этапе обмена лексикой при формировании провинциально-римских «лимесных» культур.

Сопоставление текстов Снорри Стурлусона и Галла Анонима дает возможность еще раз подтвердить гипотезу об устной мифоэпической традиции, лежащей в основе первой польской хроники. Даже для образованного иностранного монаха-бенедиктинца обращение к языческому прошлому династии правителя, для которого писалась хроника, было

фактически обязательным. Мы видим здесь явный диктат местной читательской аудитории хроники, запросы которой нельзя было проигнорировать. Заметим также, что именно хроника как форма историографии, нацеленная на сюжетное повествование, остро нуждалась в устных эпических и фольклорных источниках.

Ранняя польская историография находит целый ряд типологических аналогий и структурных отличий в сравнении с древнерусской летописной традицией. Форма подачи материала в первой польской хронике Галла Анонима о «деяниях князей польских» замечательно совпадает с предположительным характером изложения событий в первом древнерусском историческом памятнике неанналистического типа — Древнейшем сказании (Древнейшем своде) первой половины XI в. Древнейшее сказание, как и хроника Галла, представляло собой запись серии эпизодов о деяниях первых князей. Оба текста носили сугубо светский характер, были нацелены на прославление правящего князя и его предков, в них отсутствовала погодная сетка.

Ключевые слова: славяне, Скандинавия, Польша, Древняя Русь, Средние века, Галл Аноним, Снорри Стурлусон, историописание, эпос, фольклор, потлач, мотив

Польская «*Chronica et gesta ducum sive principum polonorum*»¹ Галла Анонима написана в промежутке между 1112/13 и 1117/18 гг. Авторство хроники принадлежит некоему иностранцу, оказавшемуся при дворе польского князя Болеслава III Кривоoustого. Изгнанник и чужестранец («*exul et peregrines*») Галл², тем не менее, был выразителем политических интересов и идей польской знати, он хорошо ори-

¹ Академическое издание: Anonima tzw. Galla Kronika czyli Dzieje książąt i władców polskich / Galli Anonimi Cronica et Gesta ducum sive principum polonorum // MPH NS. Kraków, 1952. Т. 2: Pomniki dziejowe polski / Wyd., wst. i kom. opatrz. K. Małczyński. Современное комментированное издание: *Gesta Principum Polonorum. The deeds of the Princes of the Poles / Transl. and annot. by P.W. Knoll and F. Schaefer; Preface by T.N. Bisson.* Budapest; N.Y., 2003. (Central European Medieval Texts; Vol 3).

² См. разные версии: *Plezia M.* Kronika Galla na tle historiografii XII wieku. Kraków, 1947. S. 148–161; *Jasiński T.* O pochodzeniu Galla Anonima. Kraków, 2008. О культурно-историческом и географическом кругозоре Галла в связи с проблемой его происхождения и биографии до прихода в Польшу см.: *Wenta J.* Kronika tzw. Galla Anonima: historyczne (monatyczne i genealogiczne) oraz geograficzne konteksty powstania. Toruń, 2011. См. также: Anonim tzw. Gall // SSS. 1961. Т. 1, cz. 1. S. 33; Editors' Introduction // *Gesta Principum Polonorum.* P. XIX–LXVII; *Michałowska T.* Literatura polskiego Średniowiecza: Leksykon. Warszawa, 2011. S. 39–41; *Eadem.* Średniowiecze // *Wielka historia literatury polskiej.* Warszawa, 2008. S. 107–129.

ентировался в представлениях о прошлом династии Пястов на своей «новой родине». Из текста хроники, прежде всего из употребления славянских лексем и их правильного истолкования, понятно, что Галл пусть в минимальной степени, но владел славянским языком.

Галл Аноним был первым, кто систематически изложил в письменном виде легендарную предьсторию польской династии Пястов — легенду об обретении Семовитом, сыном Пяста, власти. В историографии сложилось два основных подхода к поиску источников начальной части хроники. Первый предполагает, что рассказ о получении власти «князем» Семовитом, сыном пахаря Пяста, над Польшей — результат «литературного конструирования» самого автора хроники с христианским нравоучительным подтекстом. Такая интерпретация отчасти заложена в самом тексте Галла, который ссылается на Божественный промысел при объяснении причин прихода к власти над Польшей потомков простого пахаря. Такое направление мысли появилось уже в более поздней средневековой польской историографии: в Великопольской хронике первой половины XIV в. два мистических «чужестранца» из текста Галла, чьи происхождение и статус были хронистом не названы превращаются в «ангелов» или даже конкретно в «мучеников Иоанна и Павла»³. Истолкование текста Галла из Великопольской хроники XIV в. в духе «христианской мистерии» продолжено современными исследователями⁴.

Между тем, как мы пытались показать в специальном исследовании раннеславянских легенд, христианская интерпретация вторична для текста хроники Галла, это — не более чем авторские ремарки, объясняющие неясные для потенциального читателя, христианина и подданного уже сложившегося феодального государства, детали цельного повествования, сложившегося в предыдущую эпоху, в языческом архаичном социуме⁵. Все христианские

³ «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Пер. Л.М. Поповой; Вступит. ст. и коммент. Н.И. Щавелевой. М., 1987. С. 63.

⁴ Карлина С.Н. Христианские мотивы мифа о династии Пястов в хронике Галла Анонима // Славяне и их соседи. Миф история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего средневековья и раннего Нового времени. М., 1996. С. 11–13.

⁵ Щавелев А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007. С. 99–100, 127–139, 185–194. Обратим внимание на новую специальную работу, касающуюся этимологии имени Пяст: Васильева И.В. Праслав. **pěst*, рус. *nest* и польск. *Piast* // Этимология, 2009–2011. М., 2012. С. 56–62. Лексема *nest* имеет надежную праславянскую этимологию. Возможные

мотивы не являются опорными для структуры нарратива этой части хроники и легко элиминируются. Более того, за текстом явно стоит мифоэпическая традиция, отражающая языческие обряды (пир, постриги, «потlach», «ритуальную смерть правителя»). Параллельно к близким выводам пришел в книге «Трудные начала Польши» П. Урбанчик⁶. Совпадение выводов отмечено в рецензии на эту книгу Д.Е. Алимова и А.С. Кибиня, которые подчеркнули, что независимое совпадение результатов исследований одного текста — свидетельство продуктивности примененных методик⁷.

Значительное число сюжетных и мотивных аналогий текстам двух первых польских хроник — Галла Анонима и Винцентия Кадлубка — выявлено Я. Банашкевичем⁸. Нами найдена еще одна, ранее не замеченная исследователями, сюжетно-мотивная параллель тексту Галла Анонима в исландской королевской саге о Хальвдане Черном, входящей в «Круг Земной» Снорри Стулусона (1179–1241), которая, как нам кажется, позволяет разрешить окончательно вопрос об отражении устной мифоэпической традиции славян в тексте Галла.

Приведем соответствующие тексты для последующего сравнения структуры их сюжетов и набора мотивов.

значения этого имени так или иначе связаны со значением *палка, шест, пест для толчения*, возможен метафорический перенос по сходству — *фаллос* и др. Значение *воспитатель* нам видится вторичным, производным от первоначального, т.е. человек либо постоянно занимающийся с кем-то (от значения постоянно повторять какое-то действие: *толочь*), либо оказывающий поддержку — чья-то *опора*, т.е. *палка, посох*. Точно так же явно производно от первоначальной семантики и более позднее значение — *втулка колеса*. Полную аналогию значению имени Пяст составляет имя полянского князя Кия в древнерусской традиции, и в обоих этих случаях нарицательное существительное без изменений становится именем собственным (*Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002. С. 148*). Этимологию имени Пяст от *пясть* — *кисть руки, рука*, которую мы раньше принимали как вероятную альтернативу [*Щавелев А.С. Три мотивно-семантических параллели в славянских легендах о первых князьях // Человек и древности. Памяти А.А. Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 815*], следует отбросить.

⁶ *Urbańczyk P. Trudne początki Polski. Wrocław, 2008. S. 176–191.*

⁷ *Алимов Д.Е., Кибиня А.С. [Рец.] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. № 1 (7). С. 229. — Рец. на кн.: Urbańczyk P. Trudne początki Polski. Wrocław, 2008.*

⁸ *Banaszkiewicz J. Podanie o Piastach i Popielu. Studium porównawcze nad wczesnośredniowiecznymi tradycjami dynastycznymi. Warszawa, 1986; Ibid. Polskie dzieje bajeczne mistrza Wincentego Kadłubka. Wrocław, 1998. См. также: Dymmel P. Traces of Oral Tradition in the Oldest Polish Historiography: Gallus Anonymus and Wincenty Kadłubek // The Development of Literature Mentalities in East Central Europe. Turnhout, 2004. P. 343–363.*

Был в городе Гнезно, что по-славянски означает «гнездо», правитель по имени Попель. Он имел двух сыновей и, по обычаю язычников, готовил к их пострижению волос большой пир, на который пригласил многих знатных людей и друзей. Случилось так, что, по тайному решению Бога, туда пришли два чужеземца, которых не только не пригласили на пир, но даже стражники грубо отогнали от входа в город. Они, как только увидели грубость этих людей, спустились в пригород и по счастливой случайности пришли к домику пахаря, зависимого от вышеназванного правителя, устраивавшего пир в честь своих сыновей. Этот радушный бедняк пригласил чужеземцев в свой домик и оказал им свое гостеприимство. А они, охотно приняв приглашение бедняка и войдя в гостеприимную хижину, сказали: «Пусть наш приход будет вам на радость, и вы получите от нас избыток благополучия, а в потомстве честь и славу».

Оба, и Пяст, сын Котышко, и жена его, по имени Репка, отличались большим гостеприимством. Они с большим сердечным чувством, по мере своих возможностей, старались сделать все для гостей, а гости, видя их благоразумие, были готовы помочь им своим советом, осуществив их сокровенные пожелания. Когда чужеземцы, по обычаю сели и поговорили о том, о сем, и попросили чего-нибудь выпить, гостеприимный пахарь ответил: «Есть у меня бочоночек перебродившего пива, которое я приготовил в честь пострижения моего единственного сына, но какая польза от такой малости? Если угодно — пейте...». Этот бедный крестьянин решил приготовить кое-какое угощение в честь пострижения своего сына именно тогда же, когда и господин его, правитель, готовил пир в честь сыновей, — ведь в другое время он не мог бы этого сделать вследствие своей чрезмерной бедности; он хотел пригласить несколько человек из друзей и бедняков, как и он сам, отобедать, разделив скромную трапезу, он откармливал поросенка, приберегая его специально для этого случая. Я намереваюсь рассказать вам о чуде, но кто может понять величие Бога? Или кто осмелится рассуждать о благодеяниях Бога, который нередко возвышает бедняков в нашей брэнной жизни и не отказывается вознаграждать гостеприимство даже язычников. Итак, гости спокойно приказывают хозяину налить пива, хорошо зная, что оно во время питья не будет убывать, а, наоборот, будет прибывать, и, как говорят, пиво прибывало до тех пор, пока не наполнились сосуды, взятые займы, а также и сосуды пирующего правителя, которые чужеземцы нашли пустыми. Они приказывают также заколоть и упомянутого выше поросенка, чьим мясом, как рассказывают, были наполнены, к удивлению всех, десять мисок, называемых по-славянски *cebri*. Пяст и Репка, видя совершившееся чудо, поняли великое предзнаменование, касающееся сына, и уже мыслили пригласить правителя и его гостей, но не осмеливались, пока не спросили об этом чужезем-

цев. Что же мы медлим? По совету и с одобрения своих гостей, земледелец Пяст приглашает господина своего, правителя, и всех гостей его, и правитель не отказывается снизить до приглашения крестьянина. Еще не было столь могущественно польское государство, и правитель страны не кичился такой спесивой гордостью и, выступая, не был еще окружен столь многочисленной клиентелой. Когда по обычаю начался пир, и всего оказалось в избытке, эти чужеземцы совершили обряд пострижения мальчика и дали ему имя Семовит, согласно предсказаниям о будущем...⁹

Далее идет рассказ, как жадный Попель гибнет, преследуемый мышами, а Семовит получает «княжескую» власть.

Хальвдан конунг справлял йоль в Хадаланде. В канун июля там произошло удивительное событие: когда люди садились за столы, а людей было очень много, вся еда и все пиво вдруг исчезли со столов. Один за другим все ушли к себе домой, и конунг, удрученный, остался сидеть один. Так как ему хотелось узнать, кто виной удивитель-

⁹ Русский перевод Л.М. Поповой см.: *Галл Аноним. Хроника и деяния князей и правителей польских* / Пер. и примеч. Л.М. Поповой. М., 1961. Перевод дан с нашими небольшими корректировками. См. оригинальный текст: «*Erat namque in civitate Gneznensi, que nidus interpretatur sclauonice, dux nomine Popel, duos filios habens, qui more gentilitatis ad eorum tonsuram grande convivium preparavit, ubi plurimos suorum procerum et amicorum invitavit. Contigit autem ex occulto Dei consilio duos illuc hospites advenisse, qui non solum ad convivium non invitati, verum etiam a civitatis introitu cum iniuria sunt redacti. Qui statim civium illorum inhumanitatem abhorrentes et in suburbium descendentes, ante domunculam aratoris predicti ducis pro filiis convivium facientis, forte fortuna devenerunt. Ille vero bone compassionis pauperculus hospites illos ad suam domunculam invitavit, suamque paupertatem eis benignissime presentavit. At illi pauperis invitationi grater inclinantes et hospitalitatis tugurium subeuntes: bene, inquiunt, nos advenisse gaudeatis et in nostro adventu bonorum copiam et de sobole honorem et gloriam habeatis. Erant enim hospicii domestici Pazt filius Chossistconis et uxor eius Repca vocabulo nuncupati, qui cum magno cordis affectu pro posse suo hospitem necessitati ministrare sathagebant, eorumque prudentiam intuentes, secretum, si quid erat, cum eorum consilio perficere disponebant. Cumque de more residents colloquerentur de plurimis et peregrini, an ibi potus aliquid habeatur, inquirerent, arator hospitalis respondit: estinquit, mihi vasculum cervisie fermentate, quam pro cesarie filii quem habeo unici tondenda preparavi. Sed quid prodest hoc tantillum, si libeat ebibatis. Decreverat enim rusticus ille pauper, quando dominus suus dux pro filiis convivium prepararet, nam in alio tempore pre nimia paupertate non posset, aliquid obsonii pro suo tendendo parvulo preparare et quosdam amicorum et pauperum non ad prandium sed ad gentaculum invitare; qui etiam porcellum nutriebat, quem ad illud servitium reservabat. Mira dicturus sum, sed quis valet Dei magnalia cogitare, vel quis audeat de divinis beneficiis disputare; qui temporaliter pauperum humilitatem aliquociens exaltat et hospitalitatem etiam gentium remunerare non recusat. Imperant igitur cum hospites secure cervisiam propinari,*

ному событию, он велел схватить одного финна, великого колдуна. Он хотел заставить колдуна сказать правду и пытал его, но ничего не добился. Колдун все время звал себе на помощь Харальда, сына конунга, и Харальд просил пощадить колдуна, но ничего не добился. Тогда Харальд все же отпустил колдуна против воли конунга и бежал с ним сам. И вот они пришли в некое место, где очутились на большом пиру у какого-то хёвдинга, и на этот-то раз там их действительно хорошо приняли. Когда они пробыли там до весны, хёвдинг этот однажды сказал Харальду: «Твой отец в большой обиде на то, что я прошлой зимой взял у него немного еды. Но я возьму тебе это радостным известием. Твой отец теперь умер, и ты должен отправиться домой. Ты получишь все владения твоего отца, и кроме того тебе будет принадлежать вся Норвегия»...¹⁰

В приведенных текстах совпадают следующие мотивы:

1. Пир правителя, который носит регулярный (обязательный) характер: празднование «середины зимы» Хальвданом; постриги сыновей у Попеля;
2. Исчезновение еды на пире необъяснимым (чудесным) для собравшихся гостей образом;
3. Уход гостей с пира правителя;

quam bene noverant pitissando non deficere sed augeri. Usque adeo enim crevisse fertur cervisia, Donec vasa mutuata replerentur omnia Et que ducis convivantes invenere vacua. Precipiunt et porcellum supradictum occidi, unde X situle, sclauonice cebri, mirabile dictu memorantur adimpleri. Visis igitur Pazt et Repca miraculis que fiebant, aliquid magni presagii de puero sentiebant. Iamque duces et convivas invitare cogitabant sed non audebant, nisi prius peregrinos de hoc inquirant. Quid moramur? Consilioale, itaque hospitum et exhortatione dominus eorum dux et convive omnes ipsius ab agricola Pazt invitatur, neque rustico suo dux invitatus condescendere dedignatur. Nondum enim ducatus Polonie erat tantus, neque princeps urbis tanto fastu superbike tumescebat, nec tot cuneis clientele stipatus ita magnifice procedebat. Inito de more convivio et habundanter omnibus apparatis, hospites illi puerum totonderunt, eique Semouith vocabulum ex presagio futurorum indiderunt...» (Gesta Principum Polonorum. P. 16, 18, 20, 22).

¹⁰ Русский перевод М.И. Стеблин-Каменского: *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1995. С.41–42. Русский перевод немного неточен и исправлен нами. Сердечно благодарим Г.В. Глазырину, подтвердившую наши подозрения о необходимости коррекции русского перевода и подсказавшую правильное понимание текста. Ср.: *Snorri Sturluson*. Heimskringla. History of the Kings of Norway / Transl. with Introduction and Notes by L.M. Hollander. Austin, 2009. P. 131. См. оригинальный текст: «Hálfdan konungr var á jólavist á Naðalandi. Þar varð undarligr hlutr jólaaptan, þá er menn váru til borða gengnir, ok var þat allmikitt fjölmenni, at þar hvarf vist öll af borðum ok alt mungát; sat konungr hryggir eptir, en hverr annarra sótti sitt heimili, en til þess at konungr mætti viss verða, hvat þessum atburð olli, þá lét hann taka Finn einn, er margfróðr var, ok vildi neyða hann til saðrar sǫ ok pindi

4. Жестокое обращение правителя с представителями сверхъестественного мира, нарушение им обычаев: люди Попеля прогоняют от ворот двух странников; Хальвдан приказывает пытать финна-колдуна;

5. Правильное (подобающее) поведение и услуги потенциального преемника и его покровителя представителям сверхъестественного мира: Харальд, сын Хальвдана, спасает финна от пыток, неизвестный хёвдинг принимает Харальда и финна; Пяст, отец Семовита, принимает гостей, отвергнутых Попелем;

6. Организация представителями сверхъестественного мира роскошного пира; противопоставление «анти-пира» старого правителя и настоящего пира, который дает покровитель¹¹ нового претендента на власть;

7. Перемещение волшебным образом еды с пира старого правителя на пир его соперника («воровство еды» чудесным способом);

8. Смерть старого правителя: Хальвдан проваливается под лед и гибнет; Попель бежит на остров на озере, где его убивают преследующие его мыши;

9. Предсказание о расширении власти нового правителя на все земли: в одном случае — Польши, в другом — Норвегии.

hann ok fekk þó eigi af honum. Finninn hét þannug mjök til hjálpar, er Haraldr var, sonr hans, ok Haraldr það honum eirðar ok fekk eigi, ok hleypði Haraldr honum þó í brot at óvilja konungs ok fylgði honum sjálfr. Þeir kómu þar farandi, er höfðingi einn helt veizlu mikla, ok var þeim at sýn þar vel fagnat, ok er þeir höfðu þar verit til várs, þá var þat einn dag, at höfðinginn mælti til Haraldz: »furðu mikit torrek lætr faðir þinn sér at, er ek tók vist nokkura frá honum í vetr; en ek mun þér þat launa með feginsögu. Faðir þinn er nú dauðr ok skaltu nú heim fara, muntu fá ríki þat alt, er hann hefir átt, ok þar með skaltu eignask allan Nóreg...» (Heimskringla. Nóregskonunga sögur / Udg. Finnur Jónsson. København, 1911. S. 40–41).

¹¹ У Галла — это отец Семовита — пахарь Пяст. В тексте Снорри родственная связь между Харальдом и анонимным хёвдингом не указана. Но в более поздней «Книге с Плоского острова» («Flateyjarbók»), в истории о смерти Хальвдана и начале правления Харальда, подчеркивается связь молодого Харальда с его воспитателями — финнами и великанами-троллями, его отчуждение от биологического отца Хальвдана и выбор в пользу рода его матери и ее рода великанов. Харальд получает во многих текстах прозвание «Воспитанник Доври», что означает, что он был усыновлен, воспитан и прошел своего рода инициацию у тролля Доври, организовавшего его приход к власти (см. ниже). Кроме того, конунг Харальд, по наблюдениям современных исследователей, — носитель идеологии военного культа Одина и Тора, в то время как образ его отца связан с аграрным культом Фрейра (*Steinsland G. Origin Myths and Rulership. From the Viking Age Ruler to the Ruler of Medieval Historiography: Continuity, Transformations and Innovations // Ideology and Power in the Viking and Middle Ages. Scandinavia,*

Обращают на себя внимание и еще несколько разительных совпадений, не только в структуре набора мотивов, но и в содержании фабул (реализаций сюжета): всю ситуацию уничтожения власти старого правителя создают и модерируют *два* анонимных сверхъестественных персонажа: «два пришельца» в польском тексте, а в исландском — финн и некий хёвдинг. В обоих случаях власть получает молодой наследник, причем не просто молодой, а фактически малолетний¹². В обоих текстах смерть старого правителя связана с водоемом. В обоих текстах протагонист-бенефициарий (Пяст и Харальд) — основатель актуальной правящей династии.

Очевидно, что в основе приведенных текстов лежит общий сюжетогенерирующий мотив¹³: «на пиру правителя исчезает еда, он затем теряет власть и гибнет». Все основные дополнительные и детализирующие мотивы совпадают. В основе сюжета — противопоставление двух пиров, одного — против ожиданий гостей скудного и второго — неожиданно «богатого», «настоящего». При этом еда со столов действующего правителя (Попеля и Хальвдана Черного) пропадает и оказывается на пиру у его соперника (Пяста и некоего анонимного хёвдинга). Бенефициаром всей ситуации оказывается молодой претендент — в одном случае Семовит, сын Пяста, в другом — сын Хальвдана Харальд (будущий Харальд Прекрасноволосый), которые получают власть.

За обоими текстами отчетливо читается описание языческого обряда так называемого *потлача* — периодической обязательной «поставки продуктов и ценностей агонистического типа», требующей от действующего правителя превзойти в щедрости своего оп-

Iceland, Ireland, Orkney and the Faeroes. Leiden; Boston, 2011. P. 15–67). Отметим, что в «Книге с Плоского острова» высказана похожая мысль, что Хальвдану и Харальду покровительствовали разные асы, первому — Один, второму — Тор (Flateyjarbók. En Samling af norske Konge-Sagaer med indskudte mindre Fortællinger om Begivenheder i og udenfor Norge samt Annaler / Guðbrandr Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860. S. 597).

¹² Детям Пяста и Попеля, если исходить из возраста проведения обряда постригов княжичей в Древней Руси, было 7–10 лет. Харальду, согласно «Кругу Земному», в начале его самостоятельного правления было 10 лет (*Снорри Стурлусон*. Круг Земной. С. 42). Есть некоторое различие в том, что новый правитель — Харальд — является сыном Хальвдана, а в польской версии сюжета власть переходит от семьи Попеля, у которого есть два сына, к семье Пяста. Но в сагах постоянно подчеркивается отторжение Харальда от отца, который его не очень любил (Там же. С. 41).

¹³ О классификации мотивов см.: *Щавелев А.С.* Славянские легенды. С. 64–82.

понента¹⁴. Отказ от *потлача* или проигрыш в нем ведет к потере власти, изгнанию или гибели. Такой позор, «потеря лица» правителя делает его уязвимым для вредоносной магии.

В легенде о первых польских правителях, как и в «Саге о Хальвдане Черном», особое внимание уделяется проблеме связей старого и нового правителя с культом плодородия, ответственности главы коллектива за изобилие. При этом и Попель с Пястом, и Хальвдан, а отчасти и Харальд Прекрасноволосый — фигуры мифологические. Имя собственное Попель обозначает «пепел», золу, которая играет ключевую роль в погребальном обряде сожжения и подсечно-огневом земледелии. Конунг Хальвдан связан с культом бога Фрейра: его похороны в нескольких могилах моделируются по образцу захоронения этого бога, оставленного в кургане для обеспечения «вечного плодородия» в стране¹⁵. Для таких правителей неспособность накормить подданных означает социальный крах.

История обретения власти Харальдом и смерти его отца Хальвдана изложена практически во всех древнейших текстах, освещающих раннюю историю Норвегии¹⁶. Но интересующий нас эпизод в более или менее полном виде есть только в «Круге Земном» (ок.

¹⁴ Мосс М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 2011. С. 137, 143, 145. В подборке источников М. Мосса есть упоминание максимально близкой типологически сюжетной аналогии в традиции этнической группы бетсимисарака на острове Мадагаскар: в их назидательной легенде рассказывается о двух вождах, из которых один всё раздавал, а другой всё накапливал, и Бог дал богатство щедрому и разорил стяжателя (Там же. С. 162).

¹⁵ *Steinsland G.* Origin Myths and Rulership. P. 40–42.

¹⁶ См. обзор: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты. Перевод. Комментарий. М., 2012. С. 12–13, 41–62. Все даты историографических сочинений даны по книге Т.Н. Джаксон. В «Истории Норвегии» (ок. 1170) есть краткая ремарка о гибели Хальвдана, попавшего под лед на пути на праздник (A History of Norway and the Passion and Miracles of the Blessed Óláfr / Transl. by D. Kunin; Ed. with an intr. and notes by C. Phelpstead. L., 2001. P. 14). В «Обзоре саг о норвежских конунгах» (ок. 1190) тоже отмечена лишь смерть Хальвдана, попавшего в полынью [Ágrip af Nóregskonungasögum. A Twelfth-Century Synoptic History of the Kings of Norway / Ed. and transl. by M.J. Driscoll. L., 2008. (VSNR TS; Vol. 10). P. 2–4, 82–83]. В «Красивой коже» (ок. 1220–1230) тоже находим только сообщение о смерти Хальвдана, провалившегося под лед (Fagrskinna. A Catalogue of the Kings of Norway / Transl. with intr. and notes by A. Finlay. Leiden; Boston, 2004. P. 41–42, 296). В сочинении Теодорика Монаха (1177–1180) Хальвдан лишь упоминается как отец Харальда [*Theodoricus Monachus.* Historia de antiquitate Regum norwagiensium. An Account of the Ancient History of the Norwegian Kings / Transl. and annot. by D. and I. McDougall; Intr. by

1230–1235 гг.) и «Книге с Плоского острова» (1387–1394 гг.)¹⁷. Соотношение этих текстов требует специального текстологического исследования. Предварительно можно сказать, что версия «Книги с Плоского острова» содержит мотивы: «пира конунга Хальвдана Черного, на котором происходит конфликт», «правильного пира, где некий хёвдинг хорошо принимает уехавшего сына Хальвдана Харальда» и «смерти Хальвдана, провалившегося после пира в воду под лед»¹⁸. В версии «Книги с плоского острова» в центре повествования участие ребенка Харальда в интриге тролля-кузнеца Доври (*troll smið Dofri*), организованной для похищения богатств (*fé, gull*) его отца Хальвдана. В тексте явно контаминированы два сюжета: о гибели конунга Хальвдана после неудачного пира и о похищении малолетним сыном Харальдом отцовского золота (семиотический дериват, воплощение власти) для своего воспитателя, нового «квази-отца», тролля. Здесь удача Харальда — тоже награда за соблюдение обычаев, поскольку Харальд выполняет уговор с троллем Доври, отдав ему именно ту четверть богатств, которые его отец был тому должен. Основу текста составляет не история гибели Хальвдана после неудачного пира, основанная на универсальном сюжете, а типичная для германской традиции история сговора его сына Харальда с троллем-кузнецом с целью захвата богатств (золота) его отца и в перспективе — власти¹⁹. Поэтому текст «Круга Земного» остается наиболее полным вариантом именно истории о гибели Хальвдана. Но текст «Книги с Плоского острова» важен тем, что подтверждает, что в более древних версиях, лежащих в основе обоих текстов, был некий прото-нарратив о гибели Хальвдана, а, следовательно, этот сюжет не является плодом литературного творчества самого Снорри²⁰.

P. Foote. L., 1998. (VSNR TS; Vol. 11.). P. 5]. Точно так же упомянут Хальвдан в «Книге об исландцах» (1125) (*Íslendingabók. Kristni Saga. The Book of the Icelanders. The Story of the Conversion / Transl. by S. Grønlie. L., 2006. P. 3*).

¹⁷ Об этом «своде» см.: *Ashman Rowe E.* The Development of Flateyjarbók. Iceland and the Norwegian Dynastic Crisis of 1389. Odense, 2005.

¹⁸ Flateyjarbók. S. 563–564, 565.

¹⁹ Образ Доври явно изоморфен (произведен от?) мифологическим кузнецам-манипуляторам Регину и Вёлунду, которые разрабатывают сложные интриги, причем Регин тоже борется за золото, а Вёлунда пытаются и принуждают бесплатно работать [ср.: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Проблема функций кузнеца в свете семиотической типологии культур // Мат-лы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. Т. 1 (5). С 87–90].

²⁰ *Andersson Th.M.* Kings' Sagas (Konungasögur) // Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide. Toronto, 2005. P. 218.

Как показали многочисленные исследования, многие тексты «Круга Земного», в частности история гибели Хальвдана и прихода к власти его сына Харальда, основаны на устной «фольклорной» традиции, они несут в себе целый ряд древних мифологических, эпических и сказочных мотивов²¹. Текст Галла Анонима и комплекс текстов о конунге Харальде объединяет еще один яркий общий момент — описание обряда ритуального пострижения волос — так называемых *постригов*²². Это — классический обряд перехода, который символизировал становление мальчика как юного мужчины, готового включиться в мужскую субкультуру. Согласно «Салической правде», длинные волосы свободных мальчиков и девушек у франков были неприкосновенны, они постригались только с согласия родителей²³. Из 21 главы трактата Публия Корнелия Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии» известно, что германцы-хатты «едва возмужав... начинают *отрацивать волосы и отпускать бороду и дают обет* не снимать этого обязывающего их к доблести покрова на голове и лице ранее, чем убьют врага...» (курсив мой. — А.Щ.)²⁴. Иными словами, отказ от стрижки длинных волос у хаттов — магическое обязательство, снять которое можно, лишь выполнив трудную задачу, затем происходит пострижение волос и получение новой социальной роли. В рассказе о завоевании власти в Норвегии будущий правитель Харальд Прекрасноволосый действует практически и символически аналогично любому юноше-хатту. Войдя в определенный возраст, он пытается свататься к девушке, т.е. перейти из возрастного класса юноши в класс женатого мужчины (мужа). Но девушка отказывает ему, сравнив с двумя правителями соседних обширных и мощных держав — Гормом в Дании и Эйриком в Швеции²⁵. Фак-

²¹ Whaley D. Heimskringla. An Introduction. L., 1991. P. 80–81; Steinsland G. Origin Myths and Rulership; Ciklamini M. The Folktale in Heimskringla (Hálfðanar saga svarta — Hákonar saga góða) // Folklore. 1979. Vol. 90, N 2. P. 204–216; Einar Ólafur Sveinsson. The Folk-stories of Iceland / Revised by Einar Pétursson; Transl. by Benedikt Benediktz; Ed. by A. Faulkes. L., 2003. (VSNR TS; Vol. 16). P. 125.

²² Анализ этого обряда у Галла см.: Щавелев А.С. Славянские легенды. С. 127–139. Об обряде см.: *Postrzyżyny* // SSS. 1970. Т. 4. S. 249–250.

²³ MGH. Legum. Sectio I. Legum Nationum Germanicarum. Hannover, 1962. Т. 4, pars. 1 / Hrsg. von K.A. Eckhardt. S. 89–91.

²⁴ Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Соч. в 2 т. М., 1993. Т. 1: Анналы. Малые произведения / Изд. подг. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеев. С. 366.

²⁵ *Snorri Sturluson*. Круг Земной. С. 43;

тически Харальду указывается, что он не достоин того, чтобы совершить обряд перехода, т.е. жениться, стать мужчиной. И тогда Харальд *даёт обет*, что он не будет «ни стричь, ни чесать волос» пока не захватит всю Норвегию²⁶. Фактически Харальд как представитель знатной и славной семьи принимает на себя обязательство убить огромное количество врагов и захватить новые земли. Это выгодно *количественно* отличает его от стандартного поведения обычного юноши, желающего стать полноценным мужем, но *качественно* данные обеты не различаются. Харальд начинает ярко демонстрировать «консервацию» своего социального статуса. Выполнив свое обещание и захватив Норвегию (хотя его власть была на многих территориях достаточно условной; реальность данной информации для нас в данном случае не важна), Харальд поручает ярлу Рёнгвальду *постричь* и причесать себя²⁷. Иначе говоря, его старший друг совершает над ним обряд *постригов*. Одновременно Харальд делает наложницей отказавшую ему поначалу девушку, берет других жен и конкубин. Таким образом, Харальд демонстрирует, что теперь он является полноценным мужем-правителем²⁸.

Возможны несколько объяснений уникального совпадения двух сюжетов — польского и исландского. Теоретически у Галла и

²⁶ Там же. С. 44. Этот мотив и его прозвище «Косматый» (*Lúfa*) присутствует практически во всех текстах, посвященных Харальду. См.: Fagrskinna. P. 49, 51; Ágrip. P. 2–3; Flateyjarbók. S. 466–467. Иными словами этот мотив восходит к устной мифопоэтической традиции, повествовавшей о конунге Харальде.

²⁷ *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. С. 54.

²⁸ Похожий мотив присутствует в «Книге судей» Ветхого завета, где говорится о рождении в Израиле необычайно сильного бойца Самсона, который от рождения является *назореем* / «назиром» (*Щедровицкий Д.В.* Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. М., 2013. С. 769–776). Быть назореем означало принять определенные обеты, которые включали в себя, в частности, запрет брить или стричь волосы. Отметим, что рождение Самсона предсказывает некий «человек Божий», он же диктует нужный набор запретов. Самсон успешно противостоит врагам-филистимлянам и побеждает их. Он становится судьей Израиля. Он остается в статусе непобедимого воина пока его волосы остаются длинными. Брак с одной филистимлянкой, сексуальная связь с другой (Далилой) и, наконец, острижение его волос означают нарушение всех обетов, повлекшее потерю сверхспособностей (Суд. 13–16). Самсон и Харальд Прекрасноволосый представляют две ипостаси одного образа: правителя-воина, исполнившего все свои обещания перед высшими силами, и правителя — нарушителя своего контракта с богом. Еврейский и скандинавский источники в данном случае отражают очень древний комплекс представлений (мифологический архетип). Недавно было высказано остроумное предположение, что облик ветхозаветных назореев повлиял на семиотику власти «длинноволосых королей» франков, прежде всего,

Снорри Стурлусона мог быть общий литературный²⁹, например античный, источник. Если таковой будет идентифицирован, наши последующие рассуждения должны будут быть скорректированы и частично дезавуированы. Однако нам такой литературный прототип обнаружить не удалось, и поэтому мы считаем, что перед нами две реализации древнего сюжета, сохраненного устной традицией скандинавов и славян. Кроме того, против идеи о литера-

актуализировав символику длинных волос: *Goosmann E. The Long-Haired Kings of the Franks: "Like so Many Samsons?" // Early Medieval Europe. 2012. Vol. 20, N 3. P. 233–259*). Такая ветхозаветная аллюзия в манифестации власти Меровингов в свете аргументов Э. Гусманна не исключена, но она не отменяет собственно германской традиции ношения длинных волос людьми, пребывающими в специфическом социальном или духовном состоянии, что возвращает нас к проблеме типологического сходства «длинных волос» как культурно-телесного символа. Но это отдельная историко-семиотическая проблема (*Diesenberg M. Hair, Sacrality and Symbolic Capital in the Frankish Kingdoms // The Construction of Communities in the Early Middle Ages. Texts, Resources and Artifacts. Leiden; Boston, 2003. P. 173–212*).

²⁹ Все приведенные библейские сюжеты как якобы параллели к тексту Галла Анонима сводятся к прибытию ангелов к праведникам. Никаких других мотивных и содержательных совпадений мы не видим и, соответственно, не считаем их сколь-нибудь значимыми (см.: *Deptula Cz. Galla Anonima mit genezy Polski: Studium z historiozofii i hermeneutyki symboli dziejopisarstwa średniowiecznego. Lublin, 2000. S. 27, 234–238*). Гораздо ближе к сюжету Галла — нравоучительная вставная новелла о благочестивых стариках Филемоне и Бавкиде в «Метаморфозах» Овидия (*Ovid. Met. 7.615–724*). В ней Юпитер и Гермес приходят в дом старика Филемона и старухи Бавкиды, те угощают их своими скудными припасами, которые чудесным образом всё увеличиваются. В награду за выполнение долга гостеприимства и многолетнюю супружескую верность Филемон и Бавкида становятся жрецами Юпитера, а затем превращаются в два дерева. Здесь действительно присутствует сочетание важных для текста Галла мотивов, таких как приход богов-странников к беднякам, чудесное умножение еды на скудной трапезе, а затем уничтожение, через затопление *водой*, неправедных соседей. Но все остальные элементы сюжета Галла и центральная тема *потлача* — соревнования двух пиров и передачи власти — в «Метаморфозах» отсутствуют полностью. Видеть прямую зависимость фабулы текста Галла от «Метаморфоз» вряд ли приходится. Но можно предположить, что общая для «Метаморфоз» и «Хроники Галла» идея (выполнение обязательства оказать гостеприимство странникам непреложно даже для бедняков, и если этот закон гостеприимства будет выполнен, тогда потраченная пища не исчерпается, а воздастся сторицей) относится к древнейшим индоевропейским архетипам. Конечно, Галл, знавший поэзию Овидия (*Wenta J. Kronika tzw. Galla Anonima. S. 128*), мог использовать рассказ о Филемоне и Бавкиде как образец для оформления начала своего рассказа, затем перейдя к изложению славянского предания. Но из «Метаморфоз» Галл черпал в основном только общие литературные топосы: «смена века золота веком железа», «блаженство и непорочность древних времен» и др.; не исключено, что, найдя этот сюжет в античной литературе, Галл одновременно обнаружил типологически близкую ситуацию в славянском предании (ср. похожие случаи: *Щавелев А.С. Славянские легенды. С. 185–194*).

турном источнике говорит и предполагаемый уровень образованности Снорри Стурлусона, который, хотя и обладал выдающимися литературными способностями, не знал современной ему английской, французской и немецкой хронистики, не ясно даже, знал ли он вообще латинский язык³⁰.

Второе возможное объяснение нам видится наиболее вероятным — перед нами две реализации одного инвариантного сюжета. Возможны два предположения о времени формирования такого общего для скандинавской и славянской традиций сюжета. Не исключено, что это — «бродячий сюжет», характерный для периода интенсивных контактов славян и скандинавов в «цирке-балтийском» ареале в VII–XI вв.³¹ Или же речь может идти о более древнем времени, когда контакты германцев и славян зафиксированы языкознанием: либо о периоде языкового обмена между прагерманским и праславянским языками, либо о следующем этапе обмена лексикой при формировании провинциально-римских «лимесных» культур³².

В любом случае сюжетная параллель к тексту Галла Анонима в исландской королевской саге, построенной на материале скандинавской мифологической традиции, на наш взгляд, подтверждает гипотезу об устной славянской традиции как ключевом источнике польской хроники. Этот вывод позволяет несколько принципиальных рассуждений о характере раннего историописания в Польше.

Прежде всего, как бы ни решать вопрос о происхождении Галла, он, безусловно, — не поляк. Он — выходец из страны Западной Европы с высокой культурой. Раз иностранец Галл использовал для написания текста истории Польши устные сказания, бытовавшие при дворе Болеслава III Кривоустого, значит, языковой барьер не был непреодолимым препятствием для передачи устной мифологической традиции. Эта традиция была исключительно важна для «заказчиков» труда и аудитории Галла — светских и духовных высокопоставленных лиц, к которым он обращается в своей хронике³³. Ясно,

³⁰ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги. С. 55. Кстати, Галл Аноним знал совсем мало о Скандинавии.

³¹ Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона // Славяне и скандинавы / Пер. с нем., общ. ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986. С. 8–128.

³² Golqb Z. The Origins of the Slavs. A Linguist's View. Columbus, 1991. P. 337–392. Судя по архаичности мифологического сюжета и стоящего за ним обряда, этот сюжет можно датировать временем древнейших славяно-германских контактов или, с учетом латинской параллели, даже отнести ко времени индоевропейской общности.

³³ Например, к своему «покровителю» (*opifex*) канцлеру Михаилу Авданыцу.

что даже иностранец Галл, будучи придворным историографом, не мог себе позволить пренебречь «устной историей» династии Пястов. У выходца из монастырской среды Галла не было никакой идиосинкразии к языческой мифоэпической традиции, он лишь минимально аранжировал рассказ своими христианскими комментариями.

Наблюдения над развитием форм фиксации истории в Польше показывают, что сам жанр хроники, развернутого повествования о деяниях князей, был здесь в XII — начале XIII в. интеллектуальным импортом. Как было указано, Галл был иностранцем, а следующий хронист, магистр Винцентий (Кадлубек), принадлежа к знатному польскому роду, учился и получил ученую степень в одном из западноевропейских университетов. Его историческое мировоззрение и форма изложения истории формировались исключительно под влиянием французской и англо-нормандской латинской историографии³⁴.

Первоначальной формой фиксации исторических событий в Польше были «рочники», т.е. анналы. Традиция записей анналистического характера восходила к немецкой и чешской монастырским традициям ведения исторических записей. Предполагается, что анналы велись в Польше со второй половины X в., видимо, фактически со времени принятия Польшей христианства при Мешке I. Собственно польские анналы начинаются с 966 г. (иногда в рочниках — 964 или 965 г.) — даты крещения Мешка I, его женитьбы на чешке Дубравке и рождения их сына Болеслава I. Это первые события польской истории, отраженные в древнейшей анналистике, а все более ранние известия, которые есть в некоторых польских анналах, заимствованы из немецкого историописания и внесены уже задним числом. Несмотря на споры вокруг конкретного момента, после которого началось ведение собственных польских погодных записей, существование анналов в Польше в начале XI в. можно считать твердо установленным. В основе польского историописания лежат, таким образом, некие «древнейшие анналы» начала XI в. (датировки этапов переработки анналов разнятся от 1013 до 1040-х годов), которые, вероятно, восходят к польским записям второй половины X в.³⁵

³⁴ *Kürbis B. Wstęp // Mistrz Wincenty (tzw. Kadłubek). Kronika polska.* Wrocław; Warszawa; Kraków, 2008. S. V–CXXIX; *Kadłubek Wincenty // SSS.* 1974. T. 2, cz. 1. S. 349–350.

³⁵ *Roczniki polskie // SSS.* 1970. T. 4. S. 510–512; *Jasiński T. Początki polskiej annalistyki // Nihil superfluum esse Prace z dziejów średniowiecza ofiarowane Prof. J. Krzyżaniakowej.* Poznań, 2000. S. 129–146; *Michałowska T. Literatura polskiego Średniowiecza.* S. 742–744; *Eadem. Średniowiecze.* S. 62–64.

Все эти записи отличает предельная лапидарность, каждая обычно состоит из одного–двух предложений.

Анналы существовали параллельно с хрониками вплоть до XV в. Так, например, дошедшие до нас оригинальные анналы, сохранившиеся в рукописи первой половины XII в., — Свентокшиский древний рочник³⁶, охватывающий период с 948 по 1136 г., — современные и созвучны по содержанию хронике Галла. Этот рочник завершён как раз во время правления Болеслава Кривоустого и посвящён этому князю. Рочник начинается с сообщения об обретении мощей перво-мученика Стефана. Согласно Галлу Анониму, Болеслав III родился в день св. Стефана короля (20 августа)³⁷, согласно Козьме Пражскому — незадолго до дня мученика Стефана (26 декабря) 23 декабря³⁸. Завершается перечень событий в рочнике серией известий о деяниях именно этого польского князя. Современные друг другу хроника Галла и Свентокшиский рочник наглядно представляют собой две разные формы фиксации одного периода польской истории.

Заметим также, что жанр анналов был, насколько можно судить, более распространён, чем, например, другая малая форма фиксации исторической информации — перечни князей, церковных иерархов и др. Тем не менее примеров таких перечней тоже достаточно. В рукописи XIII в., которая содержит *Анналы Краковского капитула*, охватывающие период с 965 по 1283 г. и отражающие более древние анналы XI в., на последней странице приведен список краковских епископов. Этот «каталог» изначально был доведен до краковского епископа Прандоты, занимавшего кафедру с 1242 по 1266 г.³⁹, а затем продолжен другим писцом⁴⁰. Большинство таких перечней представляют собой выборки, которые, видимо, сделаны на основе анналов и, чуть реже, хроник. Был ли жанр перечня самодостаточ-

³⁶ *Rocznik Świętokrzyski dawny* // МРН. Lwów, 1872. Т. 2 / Ed. A. Bielowski. S. 772–774.

³⁷ *Gesta Principum Polonorum*. P. 116–117.

³⁸ *Козьма Пражский*. Чешская хроника / Пер., коммент. и вступ. статья Г.Э. Санчука. М., 1962. С. 148–149.

³⁹ При епископе Прандоте был провозглашён святым краковский епископ Станислав, а его мощи эксгумированы (*Bielak W. Biskup i jego urząd w oczach średniowiecznych kronikarzy polskich*. Lublin, 2011. S. 108, 172–173). Насколько можно судить, Прандота был безразличен к истории своей кафедры.

⁴⁰ *Katalog biskupów krakowskich* // МРН. Т. 2. S. 816. Есть и другие примеры перечней: *Rodowód książąt polskich* // Ibid. Lwów, 1878. Т. 3 / Ed. A. Bielowski. S. 280–284; *Katalogi biskupów krakowskich I–V* // Ibid. S. 313–376; *Katalogi arcybiskupów gnieźnieńskich I–II* // Ibid. S. 377–410; *Katalogi episcoporum Vladislaviensium* // Ibid. Lwów, 1884. Т. 4 / Ed. A. Bielowski. S. 16–30.

ной формой фиксации исторической памяти в Польше до XIII в., не ясно.

Первая польская хроника — сочинение Галла Анонима — не привлекла внимания современников. Ее использовал только следующий хронист, Винцентий Кадлубек, правда, ни разу не сославшись на этот свой источник. Первые польские хронисты, Галл и Винцентий, читали рочники и использовали информацию из них, но они не восприняли идею структуризации своего обширного повествования по годам и не заинтересовались датами из рочников, которые в подавляющем большинстве случаев даже не включали в свои тексты. Синтеза развернутого сюжетного повествования и погодной хронологической структуризации материала, характерного для древнерусского летописания и чешской хроники Козьмы Пражского⁴¹, в ранней польской средневековой историографии не произошло. В этом, как и в уникальной сохранности жанра анналов (рочников), видится явное своеобразие польского историописания.

* * *

Реконструкция путей становления исторической мысли в Польше дает некоторый материал для типологических сопоставлений с аналогичным процессом в домонгольской Руси XI — начала XII в.⁴²

Форма подачи материала в первой польской хронике Галла Анонима о «деяниях князей польских» замечательно совпадает⁴³ с предположительным характером изложения событий в пер-

⁴¹ *Регель С.* О Хронике Козьмы Пражского // ЖМНП. 1890. Ч. 270. С. 221–261; Ч. 271. С. 108–148; *Алешковский М.Х.* К типологии текстов Повести временных лет // Источниковедение отечественной истории. Сб. ст., 1975. М., 1976. Вып. 2. С. 133–167.

⁴² О способах и целях такого сопоставления см.: *Гимон Т.В., Гитиус А.А.* Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // Жанры и формы в письменной культуре средневековья. М., 2005. С. 174–200; *Гимон Т.В.* Историописание средневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. В перспективе желательного провести последовательное сопоставление традиций раннего историописания всех славянских, а затем других европейских стран раннего Средневековья, но это отдельная масштабная задача. Наше сравнение древнерусской и польской историографий древнейшего периода видится нам как самое общее приближение к обсуждению этой проблемы.

⁴³ Разумеется, с поправками на разницу письменной культуры и языковой среды. На принципиальной разнице латинской письменной культуры средневековой Польши и Чехии и письменной культуры национального языка Руси указывал в короткой рецензии на нашу книгу А.П. Толочко (*Толочко О.П.* [Рец.] // *Ruthenica*. Київ, 2008. Т. 7. С. 254–256. — Рец. на кн.: *Щавелев А.С.* Славянские

вом древнерусском историческом памятнике неанналистического типа — реконструируемом Древнейшем сказании (Древнейшем своде) первой половины XI в.⁴⁴

Древнейшее сказание представляло собой запись серии эпизодов о деяниях первых русских князей⁴⁵. Контур этой нарративной

легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007). По его мнению, у западнославянских хронистов был доступ к богатому античному наследию, откуда они черпали свои сюжеты для конструирования своей славянской истории. А древнерусские книжники, якобы, были этой возможности лишены. Но очевидно, что к услугам древнерусских и болгарских книжников был похожий набор античных сюжетов из византийской литературы. Мы же в обоих случаях видим не создание литературных произведений по мотивам античной классики или библейского предания, а попытку передать оригинальную славянскую традицию, пусть и в литературной обработке. Поэтому еще раз мы хотим подчеркнуть, что не следует абсолютизировать языковое различие латинских, греческих и славянских исторических памятников. Здесь более важную роль играла задача написания «своей» истории, которая и определяла итоговый результат.

⁴⁴ Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1. С. 270–284, 309–328; Лихачёв Д.С. Русские летописи и их культурно историческое значение. М.; Л., 1947. С. 40–50. Сравнение Древнейшего сказания с «Церковной истории народа англо» Беды Достопочтенного предпринял Т.В. Гимон (*Гимон Т.В.* Историописание. С. 210–216). Полностью поддерживая общий подход, мы всё же вопреки автору видим достаточное серьезное различие в центральной задаче исторического труда у Беды и автора Древнейшего сказания — написание «церковной истории» и создание «повести о деяниях князей». Сразу отметим, что часть отмеченных Т.В. Гимоном сходств (Там же. С. 214–215) относятся, согласно реконструкциям (*Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 1. С. 359–430; *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. С. 120–123, 210–243), к более поздним этапам раннего летописания и приписывать их Древнейшему сказанию, хоть и с оговорками, не совсем корректно. Нам думается, что в «дилемме М.Д. Присёлкова» (см.: *Лурье Я.С.* Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 465–466): использовать летописный текст как он есть, или принимать за приближение к некоей реальности текстологические реконструкции, нужно занимать какую-то одну позицию. В данном случае нам кажется, что корректней сопоставлять реконструкцию текста «Древнейшего сказания» с реальным текстом «Церковной истории», иначе у нас получается уже сопоставление «Повести временных лет» с «Церковной историей». Принципиальным моментом здесь является вопрос, была ли в Древнейшем сказании более или менее подробная история христианизации Руси, и если «да», то сравнение будет вполне обосновано, если же «нет», тогда уже вряд ли.

⁴⁵ *Тихомиров М.Н.* Начало русской историографии // *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 46–66; *Бахрушин С.В.* [К вопросу о достоверности Начального свода] // *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (научное наследие). М., 1987. С. 23–26. Мы разделяем датировку этого сказания «эпохой Ярослава», даже точнее временем после утверждения Ярослава в Киеве, предложенную С.В. Бахрушиным, — датировку чуть более раннюю, чем 1039 г., который предлагал А.А. Шахматов.

основы последующего древнерусского летописания вполне очерчен: оно было построено по принципу последовательного изложения разных сюжетов о первых русских князьях, почерпнутых из устной мифоэпической традиции⁴⁶. Древнейшее сказание было своеобразным собранием (книгой) деяний первых правителей Руси без единой погодной сетки. По аналогичной модели создавал свой текст Галл Аноним. Оба памятника типологически принадлежат к «этническим» или «национальным» историям, а не к универсальным (мировым)⁴⁷.

Польские примеры иностранца Галла Анонима и выученика западноевропейского университета магистра Винцентия позволяют допускать, что теоретически к созданию этого первого русского летописного свода могли быть причастны не только местные книжники, но и иностранцы — византийцы, или же славяне, прошедшие византийскую «школу», прежде всего болгары⁴⁸. Иными словами, наличие местных фольклорных источников разных типов не может быть логическим аргументом в пользу сужения круга потенциальных авторов первого летописного памятника лишь местными книжниками. Можно вполне допустить, хотя это очень гипотетично, что вдохновителем и «модератором» первого летописного труда выступил грек или византиец славянского про-

⁴⁶ *Gunnhus A.A.* До и после Начального свода: ранняя история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 50–61.

⁴⁷ Об этом типе см.: *Pizzaro E.M.* Ethnic and National History ca. 500–1000 // *Historiography of the Middle Ages*. Leiden; Boston, 2003. P. 43–87.

⁴⁸ Во второй половине X и в XI в. в Византии устойчиво развивался и воспроизводился жанр исторической хроники с «эпизодически-логической структурой» (согласно К.А. Долинину и Я.Н. Любарскому) повествования. Достаточно назвать хроники Продолжателя Феофана, Льва Диакона, Иоанна Скилицы, Михаила Пселла, Михаила Атталиата и др. (*Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1: Philosophie — Rhetorik — Epistolographie — Geschichtsschreibung — Geographie. S. 243–278, 331–441). О форме сюжетного повествования в Византии см.: *Любарский Я.Н.* Сюжетное повествование в византийской хронистике (постановка проблемы) // *Любарский Я.Н.* Византийские историки и писатели. СПб., 2012. С. 283–294; *Долинин К.А., Любарский Я.Н.* Повествовательные структуры в византийской историографии // Там же. С. 354–371. Стоит учитывать и традицию чрезвычайно популярных «малых хроник», которые по форме очень напоминают анналы или перечни правителей, но являются выборками из больших произведений [*Самодурова З.Г.* Малые византийские хроники и их источники // ВВ. 1967. Т. 27. С. 153–161; *Она же.* К вопросу о малых византийских хрониках (По рукописям московских собраний) // Там же. 1961. Т. 21. С. 127–147].

исхождения — своего рода преемник дела Константина-Кирилла Философа⁴⁹.

Такой византиец⁵⁰ вполне мог быть «куратором» начала летописания, хотя, наверное, не был собственно автором, поскольку тогда бы его иностранное происхождение выдавали бы какие-то лингвистические характеристики части текстов «Повести временных лет», восходящих к этому первому летописному памятнику. У Галла Анонима тоже был такой *cooperator* — канцлер Михаил. Такой «куратор» первого летописного текста вполне мог быть, так же как и Галл, восприимчив к местному престижному «фольклору», повествующему о деяниях первых князей Рюриковичей и бытующему в кругах элиты⁵¹.

Все эти гипотетические допущения нужны, повторим, чтобы зафиксировать идею о том, что наличие у первого летописного памятника Руси источников в виде оригинальной «туземной» дружинной и народной фольклорной традиции не может быть веским аргументом для ограничения круга потенциальных «модераторов» и авторов летописного перво-текста лишь местными книжниками.

Ни первые рочники, ни хроника Галла не дают оснований говорить о том, что в основе польской историографии лежала сугубо церковная традиция; напротив, светский княжеский заказ, если и не прямой, то в виде постоянного учета интересов правителя, здесь доминирует, хотя авторы исторических сочинений в Польше — духовные лица. На Руси наблюдается ровно такая же картина⁵².

Уникальная сохранность польских анналов и очевидная живучесть традиции их ведения дают косвенное типологическое подтверждение идее существования русских древнейших кратких за-

⁴⁹ *Tachiaos A.-E.* L'origine de Cyrille et de Méthode. Verité dans les sources slaves // *Cyrillomethodianum*. II. 1972–1973. Thessalonique, 1973. P. 98–140; *Верецагин Е.М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971. С. 172–180.

⁵⁰ *Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 1. С. 282. Ср. у М.Д. Присёлкова о «греческуюющей руке», писавшей Древнейший свод (*Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 22). См. также: *Он же.* История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд., доп. СПб., 1996. С. 61–64.

⁵¹ В древнерусской истории есть похожий на Галла персонаж-иностранец — иерей (эконом?) Десятинной церкви Анастас Корсунянин, ушедший с Владимиром Святославичем в Киев из Херсонеса, а затем из Киева в Польшу с Болеславом I (*Назаренко А.В.* Анастас Корсунянин // ПЭ. 2001. Т. 2. С. 261–262; *Присёлков М.Д.* Очерки. С. 35–38).

⁵² *Гитцус А.А.* До и после Начального свода. С. 51.

писей конца X в., начатых после крещения Руси⁵³, а также ведения их в Новгороде с середины XI в.⁵⁴

Подводя итоги, можно констатировать, что сопоставление текстов Снорри Стурлусона и Галла Анонима дало нам возможность еще раз подтвердить гипотезу об устной мифоэпической традиции, лежащей в основе первой польской хроники. Даже для образованного иностранного монаха-бенедиктинца обращение к языческому прошлому династии правителя, для которого писалась хроника, было фактически обязательным. Мы видим здесь явный диктат местной читательской аудитории хроники, запросы которой нельзя было проигнорировать. Заметим также, что именно хроника как форма историографии, нацеленная на сюжетное повествование, больше нуждалась в устных эпических и фольклорных источниках; анналисты же чаще фиксировали современные события и воспроизводили лишь записи предшественников. Жанр анналов вполне обходится минимумом информации, сюжет хроники — требует деталей. К тому же сюжетное повествование более свободно от точных датировок, для него достаточно внутренней последовательности событий (сюжетного темпа) или косвенных датировок, чаще всего по главным героям, например правителям, т.е. относительной хронологии. Для анналов структурно важен момент хронологической привязки, т.е. перехода от относительной хронологии к абсолютной.

Ранняя польская историография обнаруживает целый ряд типологических аналогий, равно как и структурных отличий в сравнении с древнерусской летописной традицией. Набор творческих ходов и форм фиксации истории у первых историографов славянских стран был достаточно ограничен, только их разные комбинации давали уникальный рисунок развития историописания. Характер первых развернутых исторических произведений зависел больше всего от решения историографом ключевой дилеммы: вести сюжетное повествование, нанизывая эпизоды в стиле паратаксиса, или использовать сетку дат по образцу анналов, т.е. создавать син-

⁵³ *Насонов А.Н.* Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием древнерусского государства // ПИ. М., 1959. Вып. 7. С. 421–433; *Gimnyus A.A.* До и после Начального свода. С. 49–50. См. также статью А.В. Назаренко в настоящем томе.

⁵⁴ *Гимон Т.В.* События XI — начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 634–636.

тез хроники и анналов⁵⁵. В Польше такого скрещения исторических жанров в первых двух хрониках не произошло, а кристально чистые в жанровом отношении анналы (рочники) удержали свои позиции как самостоятельная форма фиксации исторических событий. Такое устойчивое сохранение традиции ведения анналов как самостоятельного исторического жанра, не поглощенного синтезной «летописной» формой, — одна из особенностей польского историописания. Напротив, древнерусская «Повесть временных лет» и чешская «Хроника» Козьмы Пражского — примеры гибридизации нарратива — разбивки повествовательных (хроникальных) текстов по годам.

Наконец, проведенное сравнение скандинавской, польской и (опосредованно) древнерусской исторических традиций лишний раз показало, что реконструкция утраченных устных мифоэпических языческих традиций в средневековом историописании сохраняет актуальность как минимум с точки зрения поиска общих мотивов и их устойчивых комбинаций (сюжетов).

⁵⁵ Мы предлагаем условно считать *хроникой* текст, построенный на относительной хронологии: последовательности исторических событий в сюжете или, например, последовательности правителей. *Анналами* же предлагаем считать тексты, структурированные согласно абсолютной хронологии, т.е. «разбитые» по календарным датам. А *летописью* — гибридные тексты более или менее наравных сочетающие оба принципа — сюжетные нарративные синтагмы и хронологическую дискретность. Фактически летопись является «расширенными» пространственными анналами. Отдельно следует рассматривать краткие *перечни* правителей и генеалогические перечни — своеобразные «минихроники». Выделять как-либо жанр «*истории*» мы не считаем целесообразным, особенно по признаку наличия элементов анализа. Ведь отбор сведений в анналах или знание последовательности в перечне правителей — вполне историческое знание, требующее мнемонических, логических и критических, т.е. эпистемологических операций. Другое дело, что они зачастую элементарны или не выражены эксплицитно. Таким образом, несколько упрощая, древнее и средневековое историописание можно свести к четырем базовым формам, в зависимости от наличия и концентрации в тексте календарных «числовых» дат. *Хроника* и *перечень* объединены принципом *относительной хронологии*, различаясь объемом исторических данных. *Летопись* и *анналы* объединены принципом *абсолютной хронологии* при сходном отличии по объему включенной исторической информации (ср. критический обзор проблемы: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 69–92). Заметим, что в XV в. Яном Длугошем в огромном своде, вошедшем в себя разнообразные польские хроники и некоторые русские летописи, «*Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae*» («Анналы, или хроника славного королевства Польского»), хроникальное изложение было всё-таки поделено на годовые статьи. Этот пример показывает, что синтетическая «летописная» форма — закономерный (может быть, даже универсальный?) финал эволюции ранних форм историописания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Алешковский М.Х.* К типологии текстов Повести временных лет // Источниковедение отечественной истории. Сб. ст., 1975. М., 1976. Вып. 2. С. 133–167.
- Алимов Д.Е., Кубинь А.С.* [Рец.] // *Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1 (7). С. 213–236. — Рец. на кн.: *Urbańczyk P. Trudne początki Polski*. Wrocław, 2008.
- Бахрушин С.В.* [К вопросу о достоверности Начального свода] // *Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (научное наследие)*. М., 1987. С. 23–26.
- Васильева И.В.* Праслав. **pěst*, рус. *пест* и польск. *Piast* // *Этимология*, 2009–2011. М., 2012. С. 56–62.
- «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI — XIII вв. / Пер. Л.М. Поповой; Вступит. ст. и коммент. Н.И. Щавелевой. М., 1987.
- Верецагин Е.М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971.
- Галл Аноним.* Хроника и деяния князей и правителей польских / Пер. и примеч. Л.М. Поповой. М., 1961.
- Гимон Т.В.* Историописание средневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
- Гимон Т.В.* События XI — начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // *ДГ*, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 584–703.
- Гимон Т.В., Гиппиус А.А.* Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // *Жанры и формы в письменной культуре средневековья*. М., 2005. С. 174–200.
- Гиппиус А.А.* До и после Начального свода: ранняя история Руси как объект текстологической реконструкции // *Русь в IX–X веках. Археологическая панорама*. М.; Вологда, 2012. С. 49–62.
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты. Перевод. Комментарий. 2-е изд., в одной кн., испр. и доп. М., 2012.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.* Проблема функций кузнеца в свете семиотической типологии культур // *Мат-лы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам*. Тарту, 1974. Т. 1 (5). С. 87–90.
- Карлина С.Н.* Христианские мотивы мифа о династии Пястов в хронике Галла Анонима // *Славяне и их соседи. Миф история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего средневековья и раннего Нового времени*. М., 1996. С. 11–13.
- Козьма Пражский.* Чешская хроника / Пер., коммент. и вступит. ст. Г.Э. Санчука. М., 1962.
- Корнелий Тацит.* О происхождении германцев и местоположении Германии // *Корнелий Тацит*. Соч. в 2 т. М., 1993. Т. 1: *Анналы. Малые произведения* / Изд. подг. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеевко.

- Лихачёв Д.С.* Русские летописи и их культурно историческое значение. М.; Л., 1947.
- Лурье Я.С.* Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 464–475.
- Любарский Я.Н.* Византийские историки и писатели. СПб., 2012.
- Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
- Мосс М.* Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 2011. С. 134–285.
- Назаренко А.В.* Анастас Корсунянин // ПЭ. 2001. Т. 2. С. 261–262.
- Насонов А.Н.* Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием древнерусского государства // ПИ. 1959. Вып. 7. 417–462.
- Присёлков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд., доп. СПб., 1996.
- Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. 2-е изд. СПб., 2003.
- Регель С.* О Хронике Козьмы Пражского // ЖМНП. 1890. Ч. 270. С. 221–261; Ч. 271. С. 108–148.
- Самодурова З.Г.* К вопросу о малых византийских хрониках (По рукописям московских собраний) // ВВ. 1961. Т. 21. С. 127–147.
- Самодурова З.Г.* Малые византийские хроники и их источники (классификация) // ВВ. 1967. Т. 27. С. 153–161.
- Снорри Стурлусон.* Круг Земной / Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1995.
- Тихомиров М.Н.* Начало русской историографии // *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 46–66.
- Толочко О.П.* [Рец.] // Ruthenica. Київ, 2008. Т. 7. С. 254–256. — Рец. на кн.: *Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.
- Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002.
- Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона // Славяне и скандинавы / Пер. с нем., общ. ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986. С. 8–128.
- Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды, кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах.
- Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.
- Щавелев А.С.* Три мотивно-семантических параллели в славянских легендах о первых князьях // Человек и древности. Памяти А.А. Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 814–818.
- Щедровицкий Д.В.* Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. М., 2013.

- Ágrip af Nórengskonungasögum. A Twelfth-Century Synoptic History of the Kings of Norway / Ed. and transl. by M.J. Driscoll. L., 2008. (VSNR TS; Vol. 10). Anonim tzw. Gall // SSS. 1961. T. 1, cz. 1.
- Anonima tzw. Galla Kronika czyli Dzieje książąt i władców polskich / Galli Anonymi Cronica et Gesta ducum sive principum polonorum // MPH NS. Kraków, 1952. T. 2: Pomniki dziejowe polski / Wyd., wst. i kom. opatrz. K. Maleczyński.
- Ashman Rowe E. The Development of Flateyjarbók. Iceland and the Norwegian Dynastic Crisis of 1389. Odense, 2005.
- Banaszkiewicz J. Podanie o Piascie i Popielu. Studium porównawcze nad wczesnośredniowiecznymi tradycjami dynastycznymi. Warszawa, 1986.
- Banaszkiewicz J. Polskie dzieje bajeczne mistrza Wincentego Kadłubka. Wrocław, 1998.
- Bielak W. Biskup i jego urząd w oczach średniowiecznych kronikarzy polskich. Lublin, 2011.
- Ciklamini M. The Folktale in Heimskringla (Hálfðanar saga svarta — Hákonar saga góða) // Folklore. 1979. Vol. 90, N 2. P. 204–216.
- Deptuła Cz. Galla Anonima mit genezy Polski: Studium z historiozofii i hermeneutyki symboli dziejopisarstwa średniowiecznego. Lublin, 2000.
- Diesenberger M. Hair, Sacrality and Symbolic Capital in the Frankish Kingdoms // The Construction of Communities in the Early Middle Ages. Texts, Resources and Artifacts. Leiden; Boston, 2003. P. 173–212.
- Dymmel P. Traces of Oral Tradition in the Oldest Polish Historiography: Gallus Anonymus and Wincenty Kadłubek // The Development of Literature Mentalities in East Central Europe. Turnhout, 2004. P. 343–363.
- Einar Ólafur Sveinsson. The Folk-stories of Iceland / Revised by E.G.P. Tursson; Transl. by Benedikt Benedikz. L., 2003. (VSNR TS; Vol. 16).
- Fagrskinna. A Catalogue of the Kings of Norway / Translation with intr. and notes by A. Finlay. Leiden; Boston, 2004.
- Flateyjarbók. En Samling af norske Konge-Sagaer med indskudte mindre Fortællinger om Begivenheder i og udenfor Norge samt Annaler / Guðbrandr Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860.
- Gesta Principum Polonorum. The deeds of the Princes of the Poles / Transl. and annot. by P.W. Knoll and F. Schaer; Preface by T.N. Bisson. Budapest; N.Y., 2003. (Central European Medieval Texts; Vol 3).
- Goląb Z. The Origins of the Slavs. A Linguist's View. Columbus, 1991.
- Goosmann E. The Long-Haired Kings of the Franks: "Like so Many Samsons?" // Early Medieval Europe. 2012. Vol. 20, N 3. P. 233–259.
- Heimskringla. Nórengs konunga sögur / Udg. Finnur Jónsson. København, 1911. Historiography of the Middle Ages / Ed. D.M. Deliyannis. Leiden; Boston, 2003.
- Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1: Philosophie — Rhetorik — Epistolographie — Geschichtsschreibung — Geographie.

- Íslendingabók. Kristni Saga. The Book of the Icelanders. The Story of the Conversion / Transl. by S. Grønlie. L., 2006.
- Jasiński T. O pochodzeniu Galla Anonima. Kraków, 2008.
- Jasiński T. Początki polskiej annalistyki // Nihil superfluum esse prace z dziejów średniowiecza ofiarowane Prof. J. Krzyżaniakowej. Poznań, 2000. S. 129–146.
- Kadhłek Wincenty // SSS. 1974. T. 2, cz. 1. S. 349–350.
- Michałowska T. Literatura polskiego Średniowiecza: Leksykon. Warszawa, 2011.
- Michałowska T. Średniowiecze // Wielka historia literatury polskiej. Warszawa, 2008.
- Mistrz Wincenty (tzw. Kadhłek). Kronika polska / Prz. i oprac. B. Kürbis. Wrocław; Warszawa; Kraków, 2008.
- Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide / Ed. by C.J. Clover and J. Lindow. Ithaca; L., 1985 (reprint: Toronto, 2005).
- Plezia M. Kronika Galla na tle historiografii XII wieku. Kraków, 1947.
- Roczniki polskie // SSS. 1970. T. 4. S. 510–512.
- Snorri Sturluson. Heimskringla. History of the Kings of Norway / Transl. with Intr. and Notes by L.M. Hollander. Austin, 2009.
- Steinsland G. Origin Myths and Rulership. From the Viking Age Ruler to the Ruler of Medieval Historiography: Continuity, Transformations and Innovations // Ideology and Power in the Viking and Middle Ages: Scandinavia, Iceland, Ireland, Orkney and the Faeroes. Leiden; Boston, 2011. P. 15–67.
- Tachiaos A.-E. L'origine de Cyrille et de Méthode. Verité dans les sources slaves // Cyrillomethodianum. II. 1972–1973. Thessalonique, 1973. P. 98–140.
- Theodoricus Monachus. Historia de antiquitate Regum norwagiensium. An Account of the Ancient History of the Norwegian Kings / Transl. and annot. by D. and I. McDougall; Intr. by P. Foote. L., 1998. (VSNR TS; Vol. 11).
- Urbańczyk P. Trudne początki Polski. Wrocław, 2008.
- Wenta J. Kronika tzw. Galla Anonima: historyczne (monatyczne i genealogiczne) oraz geograficzne konteksty powstania. Toruń, 2011.
- Whaley D. Heimskringla. An Introduction. L., 1991.
- A History of Norway and the Passion and Miracles of the Blessed Óláfr / Transl. by D. Kunin; Ed. with an intr. and notes by C. Phelpstead. L., 2001.

Alexey S. Shchavelev

ONCE AGAIN ON MYTHICAL-EPIC ORAL SOURCES
OF MEDIEVAL HISTORICAL WRITING: GALLUS ANONYMOUS'
AND SNORRI STURLUSON'S STORIES OF DYNASTY'S
FOUNDERS

The paper deals with the problem of reflection of Slavic legends about first rulers in the text of the Polish chronicle *Gesta principum Polonorum* by Gallus

Anonymous (the early twelfth century). The author compares the story of the Piast dynasty's coming to power in Poland with that of the rise to power of King Haraldr Fairhair in Norway (in Snorri Sturluson's *Heimskringla*, c. 1230, and *Flateyjarbók*, 1387–1394). It is obvious that in the basis of both texts lays a common motif: "at a feast of a ruler food suddenly disappears, and then the ruler loses his power and dies". All the basic and additional motifs in these two stories are the same. The plot is based on the juxtaposition of two feasts, one of which is meager, and the other is generous. In the both texts we clearly see a description of the pagan rite called *potlatch* — a periodic mandatory emulative public delivery of products and values, which requires the current ruler to outdone his opponent in generosity. We have two implementations of the same invariant plot. There can be two assumptions about the time of the formation of such a plot, common for the Scandinavian and the Slavic traditions. It is possible that it is a "wandering plot", typical for the period of intensive contacts between the Slavs and the Scandinavians in the circum-Baltic area from the seventh till the eleventh century, or it could be a more ancient time when the contacts between the Germanic tribes and the Slavs are fixed linguistically: the periods of exchange between the Teutonic and Slavonic languages.

A comparison of the texts of Snorri Sturluson and Gallus Anonymous gives us an opportunity to confirm the hypothesis that oral legendary tradition underlays the first Polish chronicle. Even for Gallus, an educated foreign Benedictine monk, an appeal to the pagan past of the ruling dynasty, for which he was writing his chronicle, was actually necessary. We clearly see here a dictate of the local audience, the requests of which could not be ignored. Note also that chronicle was such a form of historiography that badly needed oral epic and folklore sources for its anecdotal narrations.

The early Polish historiography demontsrates a number of typological parallels, as well as a number of structural differences in comparison with the Old Rus chronicles. The arrangement of material in *Gesta principum Polonorum* seems remarkably close to that in the first Russian historiographical work, the so-called *Oldest Tale* (or *Oldest Chronicle*), written in the first half of the eleventh century. This non-extant text can be reconstructed in its main features from the text of the *Primary Chronicle* of the early twelfth century. The Russian *Oldest Tale*, just as the chronicle of Gallus, was a record of a series of episodes from the early history of the ruling dynasty. Both texts were purely secular in main topics, both aimed at glorifying the ruling prince and his ancestors, both lacked an annalistic framework.

Key words: Slavs, Scandinavia, Poland, Old Rus, Middle Ages, Gallus Anonymous, Snorri Sturluson, historical writing, epic, folklore, potlatch, motif